

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ТОЧКА ГРАВИТАЦИИ

СТР.9-11

СТР.4-5

ГЕНИЙ И КРАСАВИЦА

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№50 (235)
ДЕКАБРЬ 2024

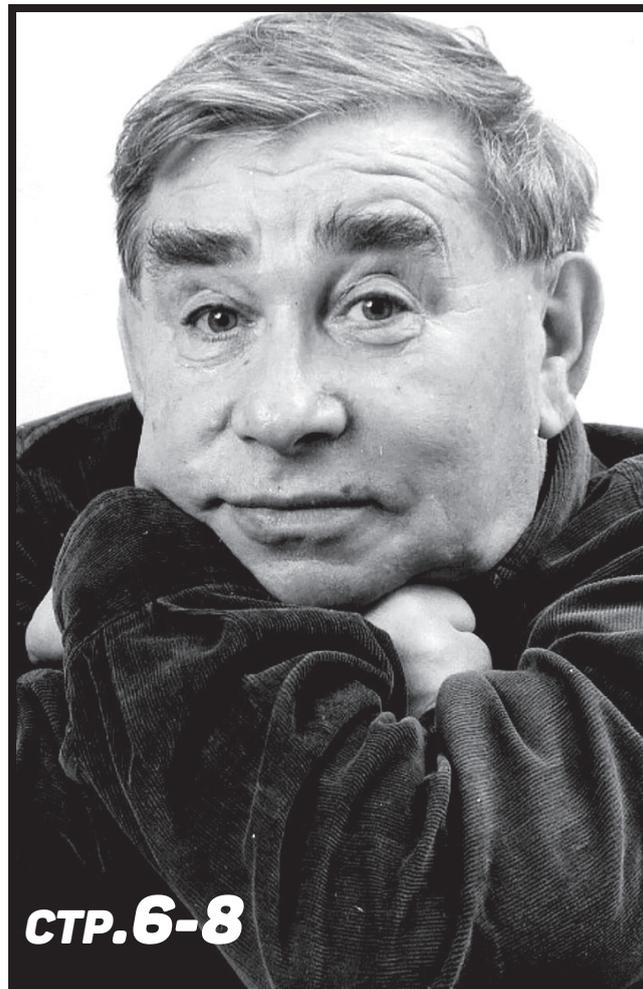

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ

СТР.14-17

СТР.6-8

КОМИК

ТОЧКА ГРАВИТАЦИИ

Геннадий Норд

Член Союза писателей Северной Америки Надежда Середина автор восьми романов, двенадцати повестей и сотен рассказов. Ее книги переведены на немецкий, английский, французский, таджикский и другие языки.

Надежда - очень интересный человек. И сначала я хотел сделать с ней интервью. Но быстро понял, что мои вопросы будут только мешать ее рассказу. Она встречалась и общалась со многими выдающимися писателями, которые стали современными классиками. Поэтому я решил не перебивать ее рассказ.

- Моё вхождение в литературу было счастливым, на волне первых лет перестройки.

Родилась на родине Бунина и Платонова, училась в Литинституте имени Горького.

Литературная гравитация, притяжение привело меня к удивительному общению с людьми, которые стали классиками литературы. Жизнь расставила их как вехи, как верстовые столбы, как путеводные звезды. Гравитация таланта, видимо, притягивает поэта к поэту. Я им безмерно благодарна: и звездам, и людям.

СЕМИНАРЫ ТВОРЧЕСТВА

Вторник - творческий день в Литинституте. Семинары начинаются в 8 утра и заканчиваются в 11 вечера.

Утро. На семинаре Анатолия Приставкина студенты были такие разные, что, казалось, молодые люди съехались со

всех краёв света, чтобы вот так, раз в неделю, посидеть за овальным столом.

Мастер приходил с девушкой, полной, и словно не от мира сего. К этой Маргарите привыкли члены семинара. Но мне было необычно, и я постоянно чувствовала её присутствие. Обычно она молчала, не обсуждала прочитанного вслух, словно никого не видела и не слышала кроме мастера - Анатолия Приставкина: «Он тоже понимал: никто их нигде не ждёт. А поездов много. На один не сядешь, так на другой...»

Анатолий Приставкаин в прошлом году руководил семинаром прозы на Всесоюзном совещании молодых писателей. И вот чудо - он выпускников Литинститута учил, как писать, на моих коротких рассказах. Обступили меня такие же молодые корреспонденты:

- Где публикуетесь?
- Сколько у вас книг?
- Какие у вас награды?
- Вы пишете малую прозу или романы?
- Над чем сейчас работаете?

Я не готова была к славе. Нет орденов, книжечка одна «Девочка с улицы Бунина», тоненькая, на газетной бумаге, ничего не весит.

...Вечер. Михаил Лобанов приходил на семинар в шесть с высокой красивой девушкой. Она сиделась с ним рядом и держалась королевой. Лобанов набирал себе учеников по себе, парни рослые, прямолинейные. Он участник Великой Отечественной войны.

У Анатолия Приставкина была свобода, ощущаемая сердцем, где рождается слово и начинается словотворчество. У Михаила Лобанова - жесткие рамки-ти-

Окончание на с. 10

С Иваном Голубницким

Окончание. Начало на с.9

ски, которыми он держал нас, закаляя как сталь.

Я выпадала из круга его. Мне хотелось идти к Приставкину, который видел войну детскими глазами, и в силу своего малолетнего возраста, война не научила его убивать других, чтобы сохранить свою жизнь.

...В Литинституте давали талоны на бесплатный обед, как карточки в блокаде Ленинграде. Обедали и студенты, и профессора за столиками, как в студенческой столовой. Так происходило разрушение идолов, кумиров. И поклонение превращалось в творческую дружбу, возникало взаимно творческое содружество. Кафедра литературного мастерства как бы перемещалась в студенческое кафе-столовую.

...Андрей Битов не ел в студенческой столовой. И на семинаре он почти не разговаривал, за него вёл семинар по творчеству его помощник. Но его присутствие создавало какое-то напряжение, которого не было на других семинарах.

Он ходил с трубкой, как Мэгрэ, и оставался то около одного, то около другого. И молчал.

Однако, я его разговорила однажды в ПЕНе на улице Неглинной, длина которой менее километра. Здесь было сто лет назад маленькое болотце с бьющими ключами - неглинок. В Марьиной роще уже нет этой реки, её заковали и спрятали в подземелье. Восемь километров невидимая река живёт под Цветным бульваром, Трубной, Театральной и Манежной площадями, под ЦУМом, под Александровским садом. Также и писатели в эпохи перестройки и революций, как река, живут, несмотря на коллизии времени.

Я брала интервью у Андрея Битова. Он говорил больше часа, то раскуривая, то раздувая свою затухающую трубку. Никто не посмел прервать это интервью. Но это другая история.

...Евгений Евтушенко любил большие аудитории. Первый раз я его услышала на книжной ярмарке на ВДНХ. А слова его как завет:

- Нам нужно воспитывать в людях любовь... Настоящее искусство не бывает основано на зле.

...Когда активный период перестройки закончился, Литературный институт обнесли оградой и воротами, через которые входил Андрей Платонов, Андрей Битов, Андрей Вознесенский, закрыли на английский замок (замка не видно, но дверь не открыта, она словно замурована).

Ограда, как железный занавес. И теперь только сквозь решетку можно видеть ветки деревьев и сквозь ветки раз-

глядеть бюст Герцена. Классик родился в год нашествия Наполеона на Москву. Однако, умер в 1870 в Париже. Кто он? Революционер в Российской империи? Швейцарский подданный «Один за всех, все за одного»? Герцен, издававший «Русский колокол»?

Памятник напомнил, как проходило собеседование на втором этаже в овальном зале. Кто может назвать точную дату перестройки? Начало перестройки, о которой, однако, знали жёны правителей, спешили скупать золото, серебро, платину: украшения, ложки, цепочки.

Хотелось издать книжку (свобода же), сборник рассказов был готов выйти в свет. Но нужны были деньги. Свобода дорого оплачивалась, как и при отмене крепостного права. Новые помещики тоже не хотели теряться.

...На книжной ярмарке.

Расул Гамзатов.

- Как жить, что делать, куда ехать?

- Всегда ищите выход.

...Семинары Сергея Есина были в полдень, но до обеда. Он ходил по эллипсу вдоль овального стола (Он как ректор имел право выбора аудитории). В руках у него был хлеб. Белый.

Вдруг сунул мне надломленный кусок хлеба сзади.

Взяла. И стала есть. В институте давали талоны на бесплатный обед. Но до обеда было ещё часа три.

Ректор-писатель опять преломил и пошёл по эллипсу. Меня попросили прочитать его последний роман и написать статью. Но жизнь была интереснее романа. И я пока отложила будущую книгу.

С художницей Лизой Пинахиной

С Константином Кедровым

...Александр Рекемчук сын журналиста и актрисы из Одессы довел процесс обучения до совершенства. Резкий, ловкий, крутой в оценке прозы начинающих. Александр обучался в этих стенах сам заочно в начале пятидесятых. И его семинары никогда не были пустыми, незначительными, проходными. Деловитость и значимость каждой минуты.

ВЫСШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ

Печатная машинка Алексея Антонова и эссе «Мы кормили Стеллу хлебом» Жени Коротких для меня стали ключом к переходу на Высшие литературные курсы. Там в застойное советское время выпускали министров по культуре для всего СССР. Но в годы перестройки про это забыли, культура ушла на второй план на многие лета, обретая свободу и потеряв гонорары. И мы поступали без связей и протекций. Со своими текстами. А печатная машинка была только у Жени.

Высшие литературные курсы - элита Литинститута.

На свой семинар критики профессор Гусев опаздывал чаще, чем не опаздывал. Приходил шумный, взбудораженный и стучал тростью. Говорил о политике, а не о литературе. Говорил, что его избил революционер, сбросил в канаву, и поэтому он прихрамывает

...Проректор Валентин Сорокин и иже с ними поэты-чиновники выстраивали свои правила.

Надо ходить по журналам. Зачем? Я ещё не понимала, но чувствовала, что в этом есть тоже какой-то урок.

В журнале «Знамя» оценили перевод на немецкий и дали информацию

В журнале «Москва» Бородин то ли не читал и всё пустил на самотёк, то ли сам писал, и не до журнала было.

В «Нашем современнике» как будто ничего не изменилось, никакой перестройки не было.

...В общежитии на Добролюбова - всегда праздник.

Творческая мастерская здесь, а не на Тверской. День и ночь стихи. И разго-

воры. Богема. Радость жизни. Общение с себе подобными. Семь этажей. Сотни поэтов.

...Театр Арцыбашева был экспериментальный. Основная сцена была на ремонте, и снимали небожское место на сто человек, где выгоднее.

- Театр помогает взглянуть на прошлое по-другому, а литература - порвать с прошлым.

...В общежитии литинститута заглядывали и профессора - литературных дел мастера. И по неделям гостили, ели и пили провинциальный провиант.

Пели все в разнбой. Кто-то был пьян, кто-то притворялся, дурачился как клоун или тамада. Всем хотелось веселья. Они добились орденов и медалей, занимали главные посты в сообществе литераторов, заседали в жюри, ездили по загранкомандировкам. Но не хватало им чего-то важного, но чего, они не понимали.

...Интервью брала дама в обрезанных джинсах. Он работал в комиссии по реабилитации осуждённых пожизненно или приговорённых к смерти.

- Вы знаете, сколько детей сидит?!

- Вы работаете в комиссии по защите детства?

- Детей! Одну девятилетнюю девочку... И она убила своего насильника. И она под следствием.

- Врут по телевидению, врут в «Правде», а в книгах?

- С невозможным опозданием получаем мы правду; нехватка её - в основе многих наших бед.

- Я вас помню.

- Я у вас на семинаре была, и на всеобщем совещании молодых...

Вспомнила, как он, Анатолий Приставкин, зачитывал отрывки из моего рассказа и учил выпускников, как писать надо. А я и не поступила ещё в этот институт небожителей. И обступили меня потом журналисты. А у меня тогда даже книжки своей не было.

СОБЕСЕДОВАНИЕ

В доме Герцена за большим овальным столом сидели представители приёмной комиссии Литературного института. Их было человек двадцать. Эту привычную, казалось скучную работу, они иногда превращали в комедию или короткие комиксы. Было лето, и никому не хотелось ходить на службу, а уехать бы куда-нибудь на золотое солнечное побережье. Ехать, плыть, лететь. Ещё две-три недели и лето кончится, ночи станут холодными. Они вызывали по одному тех, кто находился в смежной проходной аудитории.

Вошла девушка.

- Смазливая, - подумала вслух секретарша и посмотрела на Владимира Ивановича и Михаила Петровича. - Чья эта будет? Из Воронежа кто из вас?

Перед ними стояла девушка.

- Имя, фамилия? - спросила секретарша с розовыми волосами.

- Грач.

- Грачи прилетели. Какой факультет вы окончили, Грач?

- Биологический.

- Где работаете?

- В аптеке, стираю халаты два дня, а пять дней пишу.

- Кто лучше пишет: вы или Толстая?

С Хансом Гунтером и Филиппом Буллоком

- У Татьяны Толстой есть школа. Но у меня есть соперничество, боль, которую я хочу передать, - она улыбнулась, но глаза были серьёзные, она умела сдерживать волнение.

Она стояла, все сидели. Было ещё много вопросов, праздных, не относящихся к литературе.

- Так вы стираете халаты? - женское удивление за овальным столом. - В аптеке?

- Я писать могу только в свободное время! - она взорвалась. - Я беру 20-30 халатов, стираю, глажу.

- А кого вы знаете из Воронежа?

- Баранова.

- Кого-кого?

Хохот такой, что казалось овальный стол начал округляться.

- Она не знает свою мафию! - сказал кто-то сквозь слёзы смеха.

- Хватит! - жестко, по-мужски остановил кто-то это колдовское верчение стола.

- Вы свободны, - сказала секретарша.

Она вышла. Протиснулась среди подслушивающих под дверью ожидающих абитуриентов, и по ступенькам вниз. Села на подоконник, широкий, старый, из пятючковых кирпичей. В окно это глядел и Андрей Платонов... После реставрации Дом-усадьба Герцена зажила новой литературной жизнью.

Все глядели на её мраморное спокойствие. Никто ни о чём не спросил.

Минут через пять подошёл жилистый худой Коля с Урала.

- А чё спрашивали? У тебя же высшее образование!

- Ни чё!

- Сказать жалко? Пойду сейчас и скажу, что у тебя филфак. Второе высшее образование в нашей стране не положено. Я филологический не заканчивал.

- Биологический.

- Биологический-филологический? - усмехнулся он её тайне, он знал, что с филфаком не брали - это второе образование.

- Ну, и ладно.

Вспомнила Алексея Бондарева:

- Диплом не показывай в приёмной комиссии, когда будешь сдавать документы. Никто и спрашивать не будет.

Нужна была какая-то справка из Союза писателей.

- О чём спрашивали? Я плотник. У меня нет высшего образования. Сказать трудно?

- Спросил: «Кто лучше пишет: я или Толстая?»

- Толстой? Их два: Лев и Алексей.

- Три. Ещё тётя Таня.

- И ты, что ответила?

- Я! Конечно.

- Ну, ты даёшь! А они?

- А они? Про мафию спросили.

- А ты?

- А я вспомнила Баранова, он учился во ВГИКе. Главное не молчи и не говори «нет».

- Чайку вечером попьём. С огурчиком. Солёным. Ты мне нравишься.

- Я ем свежими фруктами.

- Солёный огурчик - отменный фрукт.

Особенно с чаем.

- От тебя пахнет перегаром.

- Зато живой.

- Возьми жвачку, мятную. И близко к овальному столу не подходи.

- Если бы можно было учиться платно, я бы не пожалел денег, чтобы стать писателем.

- Знаешь, Николай, я пишу лучше тётки Тани.

- Почему ты это знаешь?

- Она играет в литературу. А мы с тобой живём. Ты ведь плотник?

Он подумал: «Дура», и поднялся на пол-этажа, ждать там, где ждали все, как учила его бабушка: «Не отбиваться от стада». Приглашали не по алфавиту, и это создавало напряжение, которое он не мог и не хотел скрывать. На Урале Коля опубликовал на три плотничьи зарплаты маленькую книжечку - рассказы (скорее очерки). И плотники звали его писателем. Он переживал. «Если бы я поступил в литинститут, даже заочно, они бы перестали надо мной смеяться. Что же они всё-таки будут меня спрашивать?»

Он с обидой оглянулся на окно, она сидела неподвижно, сжав руки сзади.

- Тебя возьмут!

- Нет.

- Обидно будет.

- Ну, и ладно.

...Вдруг дверь в аудиторию открылась, и вызвали кого-то.

- Иди. Тебя вызывают, - толкнули Колю, как перед первым прыжком с парашютом. - Не бойся, плотник. Покажи им, чего стоят уральцы.

...Шли минуты: тик-так. Входили-выхо-

С Евгенией Декиной и Евгением Поповым

дили, входили-выходили. За овальным столом вершили судьбы профессора и секретарши.

Вдруг юная секретарша с пушистыми розовыми волосами выпорхнула из аудитории и спустилась к окну на лестничной площадке.

- Тебя возьмут в Литинститут, - весело сказала она. - Я видела, как тебе галочку поставили.

- Галочку?

- Не переживай. Эта галочка - твоя хорошая удача.

...Утром она прилетела в своё гнездо - земский город - на крыльях поезда. И после обеда сразу в Союз писателей - подлетиться радостью.

- Куда тебя приняли?

- В Союз писателей.

- Вот! Грачи прилетели!

- В какой?

- В Москве.

- Кто принимал?

- Где?

- Когда?

- Нам надо знать, чтобы поставить тебя на учёт.

И завёл к главному редактору:

- Вот приняли в Союз, а в какой не знает.

- Я уважаю талант.

- В каждом есть хоть капля таланта.

- Капля доброты.

...Гравитацию в поэзии сформулировал Константин Кедров, но его не слышат. Не пришло время.

«Гравитационные волны, Гравитационные волны Мчат благодати вселенской Полны».

Гравитационные волны любви. Гравитация слово-мыслей. Не простое притяжение, а вращение вокруг строки, мысли, образа.

Почему эти люди стали для меня точкой гравитации? Чем они притянули меня? Чем поэт притягивает поэта? Передача какого-то кода, знаний, таланта. Закон цивилизации.

С Сюзанн Вайен, Сергеем Поповым и Аннет Мербак на Книжной ярмарке в Лейпциге (Германия)